

● ● ●
Моя промзона на семи ветрах
была в тот день не видима с радаров.
Я нёс большое зеркало в руках,
нащупывая путь среди ангаров.

Я не хотел пуститься во всю прыть
и в три прыжка достигнуть поворота:
несдержанный, я мог бы ослепить,
я мог поранить запросто кого-то.

В тот день не странно выйти было мне
в Трастевере окраиной Кабула.
Полуфигура женская в окне
заводоуправления мелькнула.

Приметы наблюдая, как авгур,
не рвись вперёд, не делай остановок.
О, где ты, мастер мой полуфигур,
и ты, искусный мастер драпировок?

Домашней книги, мраморных мадонн,
книг хоровых далёкого Ассизи
(промзона ли вокруг, Армагеддон,
закатный луч забрезжил на карнизе),

игральных карт и вышитой листвы,
садов любви и ангелов мятежных—
всех мастеров не вспомните и вы,
всех прозвищ их, таинственных и нежных.

Гудели трубы на семи ветрах.
Прислушиваясь к фуге и токкате,
я нёс большое зеркало в руках,
и зеркало сверкало на закате.

● ● ●
Не всё оцифровано в мире,
как, может, хотелось бы вам,
но ангелам тесно в эфире
и не протолкнуться словам.

Должно быть, кривая и вектор
придуманы были не зря,
и всё же порой архитектор
приметит в руках кустаря

простую и ясную форму,
а к ней— немудрёный приём,
и нам как высокую норму
представит в салоне своём.

Из малой, но верной детали
выходят во всей полноте
и средние планы, и дали,
и то, чего нет на холсте.

А я, записной литератор,
своей увлечённый игрой,
прозрений чужих арендатор,
а чьих— и не знаю порой,—

хотел бы я стать анонимом,
совсем позабыв о себе,
в сознании, может быть, мнимом,
причастности общей судьбе,

чтоб тихой свечой в изголовье,
свеченьем ночных облаков
светило мне Средневековье
из варварских тёмных веков.

При приближении к сущности вещи раздваиваются.

Жан Парвулеско

На Маленковской ставят турникеты—
последняя на линии судьбы,
где не нужны ни деньги, ни билеты,
где выходил, бывало, налегке ты
и шёл на зов архангельской трубы.

Не римский лагерь—тихий околоток
в начало положив координат,
сошлись отроги сталинских высоток.
Сквозь арку из растений и решёток
ты входишь в лес, как римлянин в сенат.

Снуют дворняги местные при входе
в Сокольники—разбойничий собор!
Мы говорим с тобою о природе
чуть слышно отражённых в небосводе
двоящихся вещей, и разговор,

как Сириус, спешит вослед Плеядам,—
пёс Ориона. Хитрый, словно лис,
дворовый наш всё время где-то рядом,
назло и турникетам, и оградкам.
А там—корнями мощными сплелись,

вот этот пень был дуб, а этот—ясень,
увенчан каждый множеством колец,
союз их тесен, подвиг не напрасен,
стоят, как декорации для басен,
как папа с патриархом, наконец.

Двуликий Янус—те же атрибуты,
что у Петра-апостола—ключи,
а если так, архангела трубу ты
в последние ужасные минуты
поди ещё от флейты отличи.

Пока ещё тревожные приметы—
не предзнаменования, пока
пленают нас нам чуждые предметы,
не говори, пожалуйста, при мне ты—
Пруд-Ключики и Нищенка-река.

Прикладываешь раковину к уху
едва ли не под соплами ракет,
а я не верю зрению и слуху—
двоится всё. Хватило бы мне духу
шагнуть через последний турникет.

Мальчишка мастерит огниво

Мальчишка мастерит огниво,
он в тайну некую проник.
Проходишь мимо—эко диво,
но вдруг, закрыв глаза, счастливо
ты им окажешься на миг.

...По крышам, чердакам, сараям—
носило нас бог знает где,
и вслед за стареньким трамваем
гурьбой бежали к чёрным сваям,
к днепровской гибельной воде.

Торцами спичечных коробок
мы прижигали каблукки:
мой друг—помладше, но не робок,
и вот уж мчимся с ним бок-о-бок,
светясь во мгле, как светляки...

Где этот миг благословенный?
Он промелькнул и вышел весь.
Где этот мальчик? Во Вселенной,
отваги полон дерзновенной,
шагает или мёртв—бог весть.

И пусть я что-нибудь забуду,
но искры от его ботфорт
летят и проникают всюду:
от слов простых, подобных чуду,
и до сетчаток и аорт.

Едва касаясь шеи и плеча,
кувшин летает в воздухе горячем,
не смальта под ногами горяча—
земля в сюжете древнем и бродячем,
кувшин парит под самым потолком,
а нам—не разминуться у колодца.

...Кого ждала ты, грезила о ком?
Любовь проходит, ревность остаётся.
Смеялась, говорила мне, что вот
нет у судьбы каких-то чётких линий,
что красота себя не сознаёт,
что глупость как-то связана с гордыней.

Повеяло прохладой от вершин.
Вечерний час, стремительный и краткий,
колодец, небо, воду и кувшин,
одежды ритмизованные складки
туманом или облаком укрыв—
видение двоилось на тропинке,
но где-то там ударом мощных крыл
свои соединило половинки—
и хлынул дождь. А чёрточки у лба,
и глаз разрез, и профиль слишком резкий?—
Всё что угодно, только не судьба
в пустом доме колышет занавески.